
С. А. ПЛЕТНЕВА

ОБЫЧАИ ИНИЦИАЦИИ В БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕГЕНДЕ О ТОВИИ

События, описанные в библейской «Книге Товита», относятся ко второй половине VIII—VII в. до н. э. Основной герой легенды, Товий, дожил до падения Ниневии при царе Навуходоносоре, т. е. до конца второй половины VIII—VII в. до н. э. Основной герой легенды, Товий, жил 127 лет, то все его юношеские приключения относятся к концу VIII — первому десятилетию VII в. Эта дата подтверждается и началом повести, где говорится, что отец Товия — Товит был взят в плен и переселен в Ниневию царем Еминасаром (Салманасаром V, правившим в 727—722 гг. до н. э.)¹. К началу странствий сына Товит был уже глубоким стариком.

Содержание легенды следующее:

Во время одного из походов ассирийцев в Галилею был razорен маленький городок Фисвы. По обычаям восточных деспотов Салманасар V переселил всех жителей razоренного города в Ассирию. В их числе был и Товит, попавший в Ниневию. В течение долгого плена он неоднократно подвергался гонениям. В результате многочисленных превратностей судьбы Товит ослеп и обеднел. Тут-то он и вспомнил, что в свое время дал часть своего серебра на сохранение человеку, проживавшему в Рагах Мидийских. С этого момента начинается основная, наиболее интересная, на наш взгляд, часть повести. Сам старик не мог уже совершить далекую для него поездку за своими сокровищами и поэтому призвал своего сына Товия и поручил ему это путешествие. Товий был тогда, по-видимому, юношей, почти мальчиком. И это было первое крупное самостоятельное дело, порученное ему. Начало напоминает завязку волшебной сказки: отец дает сыну задачу (или несколько задач), которую необходимо выполнить, чтобы добиться благополучия в жизни. Сказочное поручение трудных, кажущихся невыполнимыми задач связывается крупнейшим советским исследователем фольклора В. Я. Проппом с первым этапом обычая инициации — посвящения в зрелость². Обычай этот обставлялся целой серией сложных обрядов. Как правило, все они вписываются в одну общую для всех народов мира устойчивую схему: а) поручение трудного дела, б) вручение отцом амулета-помощника и приобретение спутника-покровителя, в) переправа через реку и единоборство с огромной рыбой или змеем, г) извлечение и поедание внутренностей побежденного чудовища, д) испытания «брачной ночи». Нет надобности повторять здесь убедительную аргументацию В. Я. Проппа и те многочисленные этнографические примеры, которые приводятся в его книге.

¹ И. М. Дьяконов, История Мидии (от древнейших времен до конца IV в. до н. э.), М.—Л., 1956, стр. 42, примеч. 2.

² В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946, гл. 3, 6.

Проследим далее развивающуюся фабулу легенды и попытаемся связать все элементы ее с отдельными перечисленными выше обрядами инициации. Товий взялся выполнить поручение. Отец дал ему расписку должника и приказал найти себе спутника в дорогу. В поисках спутника Товий встретил посланного богом ангела Рафаила, привел его к отцу, который и договорился с Рафаилом о плате. После этого Товий и ангел отправились в путь. Далее следует странная на первый взгляд фраза: «и собака юноши с ними».

Во всем этом совершенно отчетливо видны следы второго этапа инициации: вручение отцом предмета — помощника при выполнении задания (в данном случае его заменяет расписка) и приобретение спутника. Спутник в сказках и колдун или шаман у первобытных народов, помогая юношам, обычно брали за эту услугу какую-то плату. Очень часто роль спутника-помощника выполняют в сказках животные (конь, собака, орел, ворон), что свидетельствует о пережитках в сознании людей тотемических представлений. У Товия помощник — ангел, но нам представляется, что это уже вторичное переосмысление легенды. В первоначальном, «первобытном» варианте спутником юноши была, по-видимому, собака. Поскольку она была по существу одним из героев повести, позднейший редактор не решился совершенно выкинуть ее из рассказа. Интересно, что он не забыл упомянуть собаку и в конце легенды, когда Товий вернулся в Ниневию: в главе 11 говорится: «за ними побежала и собака», хотя раньше, при описании приключений, о ней не упоминалось.

Вечером того же дня путники подошли к берегу Тигра (от него до Ниневии не больше 30—35 км). Юноша пошел помыться, но из реки выплыла рыба и хотела проглотить его. По совету ангела-спутника Товий стал бороться с ней, вытащил ее на берег, разрезал и вынул сердце, печень и желчь. Ангел рассказал ему, что сердце и печень рыбы нужны для изгнания злого духа из человека, а желчью нужно смазать глаза слепого, чтобы он прозрел. Рыбу же Товий и ангел съели.

Здесь, как мы видим, представлены третий и четвертый этапы посвящения: переправа, единоборство со змеем или рыбой, извлечение ее внутренностей для приобретения сверхъестественной силы.

Следующее испытание Товия связано с браком, это так называемая «задача брачной ночи». В Мидии (в г. Ектабаны) Товий и Рафаил встретились с дядей Товия Рагуилом и его семьей: женой и дочерью — Саррой. Ангел приказал Товию жениться на Сарре, и Товий попросил дядю отдать за него дочь. Однако для этого брака нужно было преодолеть одно серьезное препятствие. Сарру уже семь раз выдавали замуж, но все ее мужья, войдя в брачную комнату, немедленно умирали. Оказывается, девушку любил злой демон, который никого к ней не подпускал. И вот здесь-то без совета и помощи ангела Товий не смог бы победить духа. Ангел сказал ему, что юноша, войдя в брачную комнату, должен возжечь курильницу и положить в нее печень и сердце рыбы, тогда «демон ощутит запах и удалится и не возвратится никогда». После изгнания духа Товий в первую ночь не должен был прикасаться к девушке. Так Товий и сделал. После ужина, когда его ввели к Сарре, он немедленно возжег курильницу. Демон убежал «в верхние страны Египта», и там его связал ангел — помощник Товия. Товий же и Сарра, помолвившись, спокойно легли спать.

Таким образом, Товий с честью вышел и из этого испытания. Здесь, как и всюду, ему деятельно помогал ангел. Причем в этой части легенды мы сталкиваемся не только с обрядом инициации юноши, но и с обрядом посвящения девушки.

Разберемся детально в этом интереснейшем обряде. В. Я. Пропп совершенно справедливо отмечает, что опасность, связанная с задачей «брачной ночи», носит чисто сексуальный характер³. Здесь отразились представления об опасности дефлорации женщины. Сохранилось много мифов о том, что женщина в первую ночь убивает возлюбленного (например, мифы об Афродите, Астарте и др.). Ритуальная дефлорация до брака известна у многих первобытных народов. Это был обряд посвящения девушек, и основным действующим лицом в нем бывал обыкновенно колдун, т. е. лицо, наделенное сверхъестественной силой. Сам жених, как правило, в первую ночь от невесты отказывался. Мы видели, что и Товий поступил столь же благоразумно и предоставил ангелу бороться со злым духом, владевшим девушкой. Все это совпадает с описанием «брачной ночи» в сказках. В них всегда действует не герой сказки, а его могущественный помощник. Причем нередко помощник, чтобы лишить женщину силы, избивает и связывает ее. В легенде о Товии ангел борется не с девушкой, а с ее злым духом, достигая того же результата. Весьма важно и то обстоятельство, что в деле изгнания духа большую роль играют сердце и печень побежденной рыбы. В. Я. Пропп указывает, что в сказках некоторых народов Микронезии поедание именно печени и сердца рыбы — главнейшее условие для женитьбы героя. Далее отец невесты платит за посвящение дочери большой выкуп (в сказках обычно ценный амулет — помощник рода невесты). В легенде отец Сарры дал благословение и половину своего имущества. Итак, во всех подробностях этот наиболее сложный обряд инициации, описанный в библейском рассказе, совпадает с идентичными обрядами других народов.

После «брачной ночи» ангел-спутник помог Товию добыть деньги у должника из Раг, и затем все благополучно возвратились в Ниневию. Старику-отцу смазали глаза желчью рыбы, и он прозрел. Заканчивается все традиционной концовкой сказок: пиром и формулой «стали жить поживать и детей наживать», изложенной, как и всюду в Библии, с подobaющей торжественностью.

«Книга Товита» написана чрезвычайно живым языком с упоминанием многих бытовых деталей. Рассказчик подробно останавливается на сцене найма спутника — ангела, сцене проводов, говорит о пыльной дороге, об усталости, описывает свадебный пир и приготовления Рагуила к похоронам племянника, которого он не чаял видеть живым, и т. д. Эта реалистичность произведения позволяет, как мне кажется, с достаточной долей вероятности предположить, что первоначальный вариант легенды был составлен непосредственно участником событий, скорее всего самим Товием.

При чтении легенды бросается в глаза, что эпизоды, касающиеся жизни его отца — Товита, описаны значительно суше и схематичнее. В то же время, как истинно почтительный сын, Товий назвал свою повесть именем отца, о жизни которого смог сообщить по существу только самые общие сведения (взят в плен, переселен, ослеп и др.).

Несомненно также, что в дальнейшем эта интереснейшая повесть неоднократно редактировалась⁴. В результате «редакторской правки» почти исчез из рассказа языческий спутник Товия — собака, а чисто языческие моления Товия, полные жажды жизни, жажды плодородия, были сдобрены неоднократным упоминанием о боге и его

³ В. Я. Пропп, Указ. раб., гл. 9.

⁴ И. М. Дьяконов датирует окончательный, дошедший до нас вариант «Книги Товита» III—II вв. до н. э., вернее всего эпохой Митридата II (123—90 гг. до н. э.). См.: И. М. Дьяконов. Указ. раб., стр. 41.

могущественных ангелах. Этих изменений требовала новая религия — иудаизм. Впрочем, из рассказа Товия мы даже без этих «иудаистских» исправлений первоначального текста с совершенной очевидностью видим, что в конце VIII в. языческий обычай инициаций у евреев доживал последние дни. В самом деле, некогда сложные «задачи» посвящения стали уже вполне выполнимыми и легкими, хотя носили еще языческий характер. Ведь сходить за 200—300 км за долгом, поймать рыбу и жениться на дочери дяди не так уж трудно. Но все эти события были окрашены определенным таинственным ритуалом, языческими обрядами, превращавшими их в увлекательные и жутковатые приключения, напоминающие приключения любого героя из волшебных сказок всех народов мира.

Ценность многих библейских рассказов, притч и легенд заключается в том, что они донесли до нас письменные свидетельства о существовании интереснейших верований, обрядов и обычаев, характерных на определенной стадии общественного развития для всего человечества.

Это наглядно показано в книге Фрезера «Фольклор в Ветхом завете»⁵, где рассмотрено несколько основных древнееврейских обычаев и приводится множество этнографических параллелей к ним. Однако Фрезер в этом капитальном труде совершенно упустил из виду «Книгу Товита», а следовательно, не коснулся вопросов, связанных с обрядами инициации. Правда, в «Золотой ветви»⁶ он неоднократно возвращается то к одному, то к другому обряду этого обычая, но и там он не ставит задачи восстановления всего обычая в целом и не упоминает о Товии. В то же время и В. Я. Пропп, блестяще восстановивший обряд за обрядом весь обычай посвящения по материалам русских сказок и, как и Фрезер, привлекая в свою книгу множество этнографических фактов, не упомянул легенды о Товии. А между тем, в этой легенде дается исчерпывающий и вполне реалистический рассказ об обычае инициации. Языческий обычай инициации был важнейшим событием в жизни каждого юноши и каждой девушки, живших в условиях родоплеменного строя. Родоплеменное общество требовало от каждого своего члена максимальной отдачи, оно принимало в коллектив только тех, кто выдерживал жестокий экзамен на мужество, кто не мог уже вредить союзом с духами ни одному человеку в этом коллективе. В классовом же обществе, особенно в условиях суровых канонов новых религий, обычай инициации, потеряв свое значение, постепенно исчез.

Особенный интерес легенды о Товии заключается, на мой взгляд, в том, что в ней говорится о последней стадии развития этого обряда, об упрощении и отмирании его в условиях классового общества у одного из древнейших народов мира.

Что касается отдельных обрядов или деталей этих обрядов у других развитых народов, то они сохраняются у многих из них вплоть до эпохи феодализма.

Упомянем для примера об одном обычае, забытом, насколько мне известно, всеми исследователями русского язычества. Странный языческий обычай, вернее его пережиток, дожил у восточных славян вплоть до X в. О нем с нескрываемым удивлением рассказывал в середине XI в. араб ал-Бекри, пользовавшийся, правда, более ранними сообщениями Масуди. Последний жил и писал во времена образования и возвышения феодального русского государства — Киевской Руси. Итак, ал-Бекри писал: «когда мужчина женится и найдет свою жену девственной, он

⁵ Дж. Фрезер, *Фольклор в Ветхом Завете*, М.—Л., 1931.

⁶ Дж. Фрезер, *Золотая ветвь*, тт. 1—4, Л., 1928.

ей говорит: «если бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мужчины полюбили бы тебя, и ты избрала бы себе кого-нибудь, который бы тебя лишил невинности» — и прогоняет ее и отрекается от нее»⁷. Ал-Бекри приводит это сообщение в качестве любопытного анекдота о «варварстве» северных народов. По-видимому, современные комментаторы арабских рукописей также воспринимали это известие как пикантное недоразумение и поэтому не придавали ему значения. Мне кажется, что упомянутый обычай связан с инициацией девушек. Как следует из цитаты, главное в обвинении, возводимом мужчиной на жену, — ее «невинность». Объяснить это можно только страхом перед «невинностью». Как известно, девушка, по верованиям большинства народов, обладала непонятной и злой силой — духом-хранителем (как, например, Сарра в повести о Товии). Изгнать духа мог только «помощник» — существо, наделенное особым даром бороться с этим духом. Мы знаем, что у ряда народов девушки до брака уходили из семьи в своеобразные «публичные дома» при храмах или «мужских домах», организованных для неженатых мужчин. В таком случае считалось, что девушка служит боже-ству и потому теряет своего вредоносного для других духа-покровителя. Судя по рассказу ал-Бекри, к славянским девушкам предъявлялось то же требование — лишиться злобного покровителя, чтобы не вызвать его мщения и не принести несчастья в семью. В противном случае гнев духа неизбежно должен был обратиться против мужа, и естественно поэтому, что испуганный супруг выгонял женщину и навсегда закрывал перед ней двери своего дома. Считалось, вероятно, что в этом случае, он, хотя бы отчасти, был избавлен от злых чар «покровителя» девушки.

Очевидно, приверженность к подобным обрядам, восходящим к глубокой старине, держалась особенно долго в глухих углах, там, где живы были родоплеменные связи, где живы были не только языческие верования в духов, но и желание бороться с ними, посильно предотвращая их вредные действия.

⁷ «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», часть I, СПб., 1878, стр. 56.